

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Е.М. АВРААМОВА

Есть ли в современном российском обществе запрос на социальный либерализм?*

Социальный либерализм рассматривается как баланс развития и стабильности, достижение которого возможно при высоком качестве институциональной среды и готовности населения к усилиям для повышения индивидуальной конкурентоспособности. Рассматриваются следующие вопросы: совершаются ли на индивидуальном уровне и в массовом порядке усилия, направленные на повышение личной конкурентоспособности; работают ли в социально-экономической системе каналы реализации индивидуального человеческого капитала, сформированного в результате повышения личной конкурентоспособности; разделяются ли значительной частью общества представления о социальной справедливости как вознаграждении за усилия, направленные на повышение индивидуальной конкурентоспособности; имеются ли каналы продвижения и консолидации индивидуальных интересов. Исследование показало, что россияне в большинстве не готовы принять идеи социального либерализма. В то же время либеральные ценности разделяют до 20% населения. И социально-экономическая политика не должна пренебрегать интересами этой части общества.

Ключевые слова: социальный либерализм, модели социально-экономического развития, индивидуальные и общественные интересы, образование, социальные связи, рынок труда, социальная справедливость.

Статья А. Рубинштейна [Рубинштейн 2012] оказалась идеальной в качестве предлога и повода для осмысления фундаментальных проблем развития современного общества на уровне как гносеологии – углубления методологии познания современных процессов развития, так и онтологии – обобщения и осмысления феноменов, описывающих социальную реальность. Данная статья, благодаря максимально широкому охвату проблем, позволила состояться дискуссии, участники которой высказались по самым разным вопросам становления современной модели общественного развития. В качестве таковой в разных ракурсах представлена модель социального либерализма, существующая не только как теоретический конструкт или светлый образ будущего, но и как реально воплощаемая в разных национальных, экономических и политических контекстах.

Базовая антиномия – “развитие vs стабильность” – заставила на уровне принятия глобальных стратегических решений постепенно отходить от “чистых” моделей развития, какими являлись капитализм, основанный на либеральной модели, и социализм, опирающийся на модель всеобщего благоденствия (речь здесь идет, конечно, о теоретической подкладке, а не о результатах реального “социалистического строи-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 0200196).

Аврамова Елена Михайловна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11. E-mail: Avraamova@igrm.info.

тельства”). Каждое общество-государство нуждается в развитии, за которое отвечает либеральная составляющая, поскольку предполагает открытую конкуренцию на страновом, групповом и индивидуальном уровнях, поддерживаемую институтами развития, равно как и в стабильности, за которую отвечает социальная составляющая, нашедшая воплощение в концепте социального государства. Эти две составляющие, редко находясь в состоянии идеального баланса, в разных пропорциях присутствуют в моделях развития европейских стран. Их несбалансированность не только порождает разнообразные кризисы, но и заставляет воздерживаться от признания социального либерализма в качестве “окончательной” самостоятельной модели и, скорее, рассматривать ее как транзитную, особенно в ситуации слабости или несформированности поддерживающих ее институтов.

Однако не только качество институциональной среды определяет устойчивость социально-либеральной модели. В равной степени успех тут зависит от того, сформировался ли в обществе запрос на ее либертарианскую составляющую (понятно, что запрос на социальную составляющую есть всегда). Именно на этот вопрос я попытаюсь ответить, осветив следующие сюжеты:

– совершаются ли на индивидуальном уровне и в массовом порядке усилия, направленные на повышение личной конкурентоспособности;

– работают ли в социально-экономической системе каналы реализации индивидуального человеческого капитала, сформированного в результате повышения личной конкурентоспособности;

– разделяется ли значительной частью общества представление о социальной справедливости как вознаграждении за усилия, направленные на повышение индивидуальной конкурентоспособности;

– имеются ли каналы продвижения и консолидации индивидуальных интересов.

При положительных ответах на поставленные вопросы, распространяющихся на половину населения, можно говорить о существовании запроса на социальный либерализм, который в этом случае можно принять за долгосрочную модель развития.

Развитие индивидуальной конкурентоспособности

Образование – наиболее сильный фактор, повышающий индивидуальную конкурентоспособность. Рассмотрим этот вопрос в контексте формирования образовательных траекторий в современной России. Начнем с их первого этапа – поступления в школу. Проведенное нами исследование¹ показало, что население, в основном жители больших городов, где есть альтернатива выбора образовательных стратегий, исключительно серьезно относятся к этому вопросу, причем слово “конкурентоспособность” неоднократно произносилось родителями при обсуждении проблем школьного образования в ходе фокус-групп. Выявилось, что в процесс дошкольной подготовки включены 92,3% городских детей. При этом лишь 15% респондентов-родителей считают, что при поступлении в школу никаких особенных знаний не потребуется, так как всему ребенку научат в школе, а остальные высказывают мнение, согласно которому ребенок должен быть хорошо подготовлен. Результатом усилий родителей и их понимания необходимости достаточно серьезной подготовки детей к школе стало то, что современные дети готовы к школе очень хорошо. Мы получили следующую группировку:

1 группа – очень хорошо подготовленные – дети, обладающие к моменту поступления в 1 класс не менее чем тремя продвинутыми навыками (“беглое” чтение / умение складывать и вычитать / умение перемножать числа / способность составить рассказ по картинке / способность пересказать прочитанный текст), и в дополнение к этому способные составить простые предложения или текст на иностранном языке – 8,4%;

¹ Социологический опрос проведен в 2012 г. в рамках исследовательской программы Института гуманитарного развития мегаполиса в Москве. Методом анкетирования опрошены родители школьников. Объем выборки составил 2000 респондентов.

2 группа – хорошо подготовленные – дети, обладающие к моменту поступления не менее чем тремя продвинутыми навыками, не способные составить простые предложения на иностранном языке – 54,7%;

3 группа – средние подготовленные – дети, обладающие к моменту поступления менее чем тремя продвинутыми навыками, но полным набором базовых навыков (знание букв / чтение по слогам / знание цифр / способность считать до десяти / знание нескольких стихотворений) – 20,6%;

4 группа – плохо подготовленные – дети, обладающие к моменту поступления менее чем тремя продвинутыми навыками и неполным набором базовых навыков – 16,3%.

Таким образом, две трети детей хорошо или очень хорошо подготовлены к школе, в результате чего имеют шансы для дальнейшего повышения индивидуальной конкурентоспособности [Аврамова 2013^а].

Далее рассмотрим повышение индивидуальной конкурентоспособности на этапе получения профессионального образования. Мировой опыт показывает, что страны, где преобладают малообразованные, а соответственно, и малоквалифицированные трудовые ресурсы, обречены на низкую продуктивность и рутинность труда, которые сочетаются с неудовлетворением базовых и даже витальных (в смысле физиологического выживания) потребностей населения. Развитые же экономики с эффективным трудом и достойным уровнем жизни, по мнению многих исследователей, базируются на широком использовании хорошо образованной, мобильной и инициативной рабочей силы [Социум... 1998]. Более того, востребованность этих качеств обуславливает такой характер воспроизводственных процессов, при котором общественные и индивидуальные интересы в сфере труда все больше сближаются и взаимно переплетаются.

Люди с более высоким уровнем образования занимают верхние позиции статусной лестницы, и этим во многом определяется стремление к получению высшего профессионального образования, что в нашей стране на протяжении двух десятилетий носит массовый характер. При этом все без исключения социологические опросы на протяжении этого времени фиксируют положительную зависимость уровня материального достатка и социального статуса от наличия вузовского диплома. Устойчивый спрос на высшее образование, подтвержденный расширением предложения на рынке образовательных услуг, привел к росту высокообразованных групп населения. По данным исследования РАНХиГС², доля лиц, имеющих высшее образование, превышает данные последней переписи населения 2010 г. на 16% и составляет 39,7%, из которых 6,4% еще продолжают учиться в вузах. Из этого можно сделать вывод о высокой динамике распространения высшего профессионального образования.

Поддержание и, тем более, повышение индивидуальной конкурентоспособности зависит не только от стартового образовательного капитала (наличия высшего профессионального образования), но и от того, насколько интенсивно он обновляется, то есть от распространения дополнительного профессионального образования. В соответствии с полученными нами данными³, за последние несколько лет такое образование получили около 20% респондентов (см. табл. 1). На основе информации об уровне базового и факте получения дополнительного образования построена типология образовательного потенциала населения, имеющая следующий вид:

1 группа – не имеющие профессионального образования и не получившие за последние пять лет никакого дополнительного образования – 13,1%;

2 группа – не имеющие профессионального образования и получившие за последние пять лет какое-либо дополнительное образование – 2,2%;

² Социологический опрос проведен в 2013 г. в рамках исследовательской программы Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ. Методом телефонного анкетирования опрошены жители всех регионов страны. Объем выборки составил 4000 респондентов.

³ Социологический опрос проведен в 2014 г. в рамках исследовательской программы Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ. Методом личного анкетирования опрошены жители шести регионов страны. Объем выборки составил 10 600 респондентов.

**Образовательная активность населения, предпринимаемая
в течение последних двух-трех лет (в %)**

Виды образовательной активности	Число респондентов
Учились в колледже, училище, вузе, аспирантуре, получая первое среднее профессиональное или высшее образование	7,6
Получали образование по другой, новой для себя специальности	1,3
Проходили обязательное повышение квалификации (врачи, учителя и др.)	2,6
Проходили программы повышения квалификации по инициативе работодателя по имеющейся специальности	4,7
Проходили программы повышения квалификации по собственной инициативе по имеющейся специальности (с помощью курсов или репетиторов)	1,9
Самостоятельно приобретали новые знания и навыки (с помощью литературы, он-лайн курсов и др.)	9,0
Пытались повысить свой уровень образования, но не смогли	2,1
Не учились	70,8

3 группа – имеющие начальное или среднее профессиональное образование и не получившие за последние пять лет никакого дополнительного образования – 34,3%;

4 группа – имеющие начальное или среднее профессиональное образование и получившие за последние пять лет какое-либо дополнительное образование – 14,8%;

5 группа – имеющие высшее образование и не получившие за последние пять лет никакого дополнительного образования – 17,0%;

6 группа – имеющие высшее образование и получившие за последние пять лет какое-либо дополнительное образование – 18,6%.

Итак, примерно 20% населения озабочено повышением индивидуальной конкурентоспособности. К этому надо добавить происходящий в последние годы бум самообразования.

Под самообразовательной активностью я понимаю процесс получения индивидом знаний, которые могут быть структурированы и объединены в комплекс, нацеленный на решение определенного круга задач получателем знаний. В отличие от традиционного образования, даже в случае, когда участником процесса используется информация, сведенная в единый комплекс специалистом, имеющим отношение к профессиональной образовательной деятельности, реципиент получает знания, но не получает формального их подтверждения, способного снимать существующие в системе трудовых отношений ограничения на использование знаний, полученных подобным путем в тех или иных карьерных целях. Основное отличие самообразования с точки зрения используемого инструментария заключается в тяготении к максимально технологичным каналам коммуникации, позволяющим дистанционно получать информацию в различных формах.

Особенность самообразования в контексте современной сетевой информационной инфраструктуры заключается в наличии дополнительного стимула к саморазвитию в интересующих индивида областях, прежде всего связанных с профессиональной деятельностью. В отличие от характерного для XX в. образа изобретателя-самоучки, имеющего крайне мало шансов на успех в поиске финансирования своего проекта, его современные последователи располагают инструментами для привлечения распределенных инвестиций – краудфандинг, доступный любому пользователю Интернета. Наличие подобного инструментария позволяет отдельно взятому индивиду пройти весь процесс производства товара или услуги, начиная от поиска информации, необходимой для ее создания, разработки, и заканчивая сбором средств на самостоятельную пилотную реализацию без помощи специализированных общественных и финансовых

институтов, с опорой лишь на опубликованную в открытом доступе информацию и ее обсуждение участниками деятельных сообществ⁴.

Если в случае с традиционным образованием диплом или иной сертификат – один из основных мотивирующих факторов, то в случае самообразования роль сертификата изначально вторична, а большая часть обучающихся мотивированы практической необходимостью для них конкретной изучаемой дисциплины. Таким образом, отсутствие сертификационных стандартов, отталкивая тех, для кого необходимо документальное подтверждение пройденного курса, привлекает тех, кто нуждается в изучении отдельной дисциплины на требуемом уровне, не вникая при этом в другие дисциплины, в обязательном порядке увязываемые с нужной в рамках традиционного образования.

Дополнительный привлекающий фактор для самообразования в качестве карьерного инструмента – возможность тратить на образовательную деятельность любое удобное время. Это позволяет осваивать новые специальности – смежные либо не связанные с уже имеющимися, – не отрываясь от профессиональной деятельности. Количество экономически активных членов социума, занимающихся трудовой деятельностью, не напрямую связанной с их учебной специальностью, весьма велико. Это говорит об условности потребности в сертификации во многих профессиональных областях, а следовательно, о широчайшем поле применения самообразовательной активности, нацеленной на изменения в карьерной стратегии.

Немалое значение имеет и появившаяся благодаря возникновению новой информационной среды возможность сравнительно легкой монетизации новых навыков и знаний без какой-либо сертификации, но при условии, что предлагаемые услуги или товары, разработанные при помощи навыков, полученных путем самообразования, носят цифровой характер и могут быть переданы по сети. Для практического применения этой группы навыков и знаний официальная система трудоустройства и схемы карьерного роста не требуются в принципе, поскольку производимые товары либо услуги могут предоставляться в сугубо частном порядке.

О том, что развитие самообразования переживает бум, можно судить лишь по косвенным признакам, поскольку в противовес формальным каналам получения образования предмет исследования слабо поддается статистической количественной оценке, а качество полученных знаний не может быть измерено традиционными средствами. Тем не менее наличие в Интернете предметных курсов, читаемых в лучших университетах мира, с одной стороны, и интенсивное обсуждение на специализированных форумах в русской зоне Интернета проблем доступа к подобным источникам – с другой, позволяет согласиться с такой оценкой.

Суммируя сказанное, можно сказать, что индивидуальная конкурентоспособность, измеряемая уровнем образования, интенсивно накапливается на ранних этапах складывания образовательных траекторий, но впоследствии в массовом масштабе размывается, что не создает предпосылок для формирования широкого запроса на социально-либеральную модель. Вместе с тем в обществе имеется доля населения, измеряемая примерно 20%, озабоченная повышением личной конкурентоспособности и вкладывающая в это усилия, личное время и средства.

Реализация индивидуальной конкурентоспособности

Здесь мы сталкиваемся с проблемами, которые состоят, во-первых, в том, что высокие материальные и статусные позиции определяются не качеством образования (что само по себе не стало категорией, хорошо описанной на содержательном и количественном уровне), а скорее, его символическим отражением (наличием диплома).

⁴ Под деятельными сообществами подразумеваются группы людей, объединенных каким-либо интересом, к примеру профессией или хобби, существующие без внешнего принуждения либо финансирования, общающиеся посредством сетевого или личного контакта. Понятие было введено Э. Венгером и Д. Лэйв в отношении групп, возникавших при ситуативном обучении в рамках попыток переосмысления этого процесса.

Во-вторых, в том, что высшее профессиональное образование, даже высококачественное (например, полученное в “брендовом” вузе), не является для его обладателей гарантией достижения высоких доходных и статусных позиций, то есть имеет место эффект так называемой “статусной несовместимости”. Подобный эффект свидетельствует о наличии условий, препятствующих открытой конкуренции, и сопровождается, как правило, гипертрофией роли социального капитала в его интерпретации как замены или компенсации неработающих ресурсов вертикальной мобильности. В-третьих, на протяжении последних двух десятилетий наблюдается эффект, с одной стороны, “недорезалиции” образовательного потенциала на релевантном рынке труда, связанной с недостатком высокотехнологичных рабочих мест, где бы востребовалось современное качественное образование, а с другой – императивная востребованность работников с высшим образованием на рабочих местах, не требующих глубоких специальных знаний, почерпнутых из вузовских программ.

Ориентация на модернизацию и развитие требует высокого качества профессиональной подготовки работников и, соответственно, актуализирует потребность в квалифицированной рабочей силе. В противном случае возникает, с одной стороны, ее дефицит (в том числе структурный), который осложняет хозяйственную деятельность, а с другой – ее количественный и качественный избыток относительно производственных возможностей, ведущий к обесценению приобретенного работниками образования, а вслед за ним – к ее деградации, то есть постепенной утрате полученных знаний и компетенций. Например, в нашей стране дисбалансы на рынке труда и дефицит хорошо обученной и квалифицированной рабочей силы все в большей степени перемещают конкуренцию между предприятиями в сферу кадров. По данным опросов, нехватку профессионалов испытывают до 90% российских корпораций [Токсанбаева 2013]. Эти же проблемы присущи регионам и поселениям, особенно находящимся в депрессивном состоянии, откуда идет отток наиболее активной и профессиональной части трудовых ресурсов, что усугубляет социально-экономическую инволюцию данных территорий. В результате усиливается процесс поляризации российского пространства: одни территории перенаселяются, а другие обезлюдивают вплоть до превращения в своего рода дома престарелых поселенческого масштаба [Нефедова 2009]. Точно так же отрасли с низкой оплатой рабочих мест теряют работников, а в премиум-секторах с высокой оплатой труда наблюдается их переизбыток.

Высшее образование продолжает приносить самую большую денежную отдачу, которая примерно на треть превосходит средний по совокупности уровень и в полтора раза – уровень у “носителей” иной профессиональной подготовки. Эта отдача до последнего времени имела тенденцию к относительному (в сравнении со средним показателем) повышению, и лишь в последнее время тренд несколько изменился. Тем не менее сохраняется высокий уровень востребованности вузовской подготовки, а значит, у населения сохраняются и стимулы ее получения. Проблема, однако, состоит в том, что соответствующую денежную отдачу часто получают работники, занятые не теми специальностями, по которым получали профессиональное образование (данные исследований РАНХиГС свидетельствуют, что около 45% занятых работают не по полученной специальности) и которое в этих случаях обесценивается.

Обесценение образования происходит и вследствие определенной избыточности высшего образования: формально оно не является обязательным для каждого десятого выпускника вуза [Токсанбаева 2013]. При этом следует принимать во внимание, что в нашей стране относительная численность специалистов высшего уровня квалификации (по международной терминологии – профессионалов) завышена в сравнении с развитыми экономиками. Например, она на 20–35% превосходит их долю в таких странах, как Франция и Германия [Модернизация... 2011]. Учитывая, что Россия отстает от этих стран по общему уровню социально-экономического развития и по развитию человеческого потенциала, полагаю, что указанное превосходство формально, то есть в реальности специалисты, официально считающиеся высококвалифицированными, нередко выполняют работу меньшей квалификации.

Мнение респондентов о значимости социальных связей в зависимости от уровня образования (в %)

Значимость социальных связей	Возраст				
	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Согласны с тем, что на хорошую работу берут только по знакомству	63,6	63,4	64,3	62,9	57,7
Не согласны с тем, что на хорошую работу берут только по знакомству	32,6	32,5	29,4	28,5	24,1
Затруднились ответить	3,8	4,1	6,3	8,6	18,2

Проблемы и трудности, связанные с реализацией индивидуальной конкурентоспособности, прежде всего в сфере занятости, население пытается компенсировать с помощью социального капитала [Аврамова, Малева 2014; Аврамова 2013^б; Плискевич 2012]. Например, рассмотрим степень согласия респондентов с утверждением, что “на высокооплачиваемую работу берут только по знакомству” (см. табл. 2). Большинство отвечавших согласны с этим утверждением. Хотя понимание чрезвычайной роли социальных связей превалирует во всех образовательных группах, все же по мере роста уровня образования прослеживается определенная зависимость снижения ориентаций на этот признак. Тем не менее среди респондентов с высшим уровнем образования более половины ориентируются на социальный капитал. Но при этом интересно, что нет никаких различий между респондентами, получившими образование разного качества: среди имеющих высококачественное образование 80% согласны с тем, что высокооплачиваемую работу можно найти только по знакомству, а среди тех, кто считают свое образование не особенно качественным, таковых 82%. Также нет особенных возрастных различий в ориентации на социальный ресурс – данная стратегия хорошо и примерно равным образом освоена всеми возрастными и социальными группами, что позволяет рассматривать ее в качестве социальной нормы.

Таким образом, подтверждается вывод о том, что российское население, если рассуждать в режиме условных поколений, серьезно относится к задаче повышения индивидуальной конкурентоспособности и вкладывая усилия и инвестиции (с учетом повышения платности образовательных услуг) на ранних стадиях формирования образовательных траекторий, в дальнейшем в своем большинстве “опускает крылья” и “складывает руки”. И основная причина тому – узость сфер реализации собственного потенциала, слабоконкурентная среда в сфере занятости, равно как и слабость институтов, поддерживающих индивидуальные усилия. Поэтому на второй из поставленных вопросов – работают ли каналы реализации индивидуальной конкурентоспособности, я даю скорее отрицательный ответ, но с очень важной оговоркой, что в обществе есть примерно 20% людей, способных преодолеть названные барьеры.

Представление о социальной справедливости

Считает ли население в своей массе такое положение нормальным? Ответ на этот вопрос зависит от того, какое представление о социальной справедливости сформировалось в обществе.

Категория справедливости как одна из фундаментальных нравственных норм подверглась переосмыслению в постсоветский период. Ранее это понятие было встроено в идейный контекст существовавшего режима и на уровне идеологической риторики имело эгалитаристское звучание, оформленное лозунгом “справедливость и равенство”. Справедливым считалось не только равенство прав и возможностей, но и равенство притязаний, причем за скобками оставалась реальная социально-экономическая

практика режима, делающая некоторых, по выражению Дж. Оруэлла, “равнее других”. С такими массовыми представлениями общество вступило в новую реальность, основной чертой которой, видимой на поверхности, стало резкое социально-экономическое неравенство.

Социальный смысл изменений, к которым пришлось адаптироваться всему населению страны, состоял в том, что они затронули основные параметры социально-экономического поведения. Прежде всего на начальных этапах трансформации (в “лихие девяностые”) государство отказалось от роли патрона, с одной стороны, жестко предписывающего модели поведения, задающего нормы и осуществляющего санкции за их невыполнение, а с другой – берущего на себя решение основных социально-экономических проблем. Ожидалось, что следствием такой политики станет то, что на место прямого властного хозяйственного и идеологического контроля придут универсальные регуляторы социально-экономической деятельности, в качестве которых все менее значимыми станут навязанные извне нормы, а более значимой – рационализация индивидуальных и общественных потребностей.

Но достаточно быстро выяснилось, что большая часть общества оказалась не готова к новой “ослабленной” роли государства [Аврамова 2001]. Либеральная модель, которую пытались реализовать на первом этапе реформ, не пользовалась массовой поддержкой, на нее ориентировались за длительный период наблюдений не более 10% населения. Реальный выбор всегда шел между социал-демократической и патерналистской моделями и в целом решался в пользу последней: большинство твердо ориентировались на использование государства как ключевого института в разрешении основных социально-экономических проблем. Вместо консолидации и мобилизации общества для успешного перехода к рыночной экономике произошел раскол, не только не преодоленный до настоящего времени, но, пожалуй, и углубившийся вследствие усиления роли государства в 2000-е гг. и роста благосостояния, которое значительная часть населения связывает именно с ролью государства. Характерно, что при этом рост неравенства в глазах населения не обусловлен усилением роли государства.

В этом смысле важно, на мой взгляд, говорить не об *интенсивности* вмешательства государства, а о *качестве* этого вмешательства. Интересны в этом плане соображения, высказанные Т. Пикетти [Piketty 2014], основной тезис которого заключается в том, что при сохранении уровня доходности капитала, превышающим уровень экономического роста, в долгосрочной перспективе возникает риск экономической нестабильности, вызванной максимальной концентрацией капитала. По наблюдениям Пикетти, тенденция к снижению экономического неравенства, возникшая в XX в., “благодаря” Великой депрессии, двум Мировым войнам и усиленная развитием технологий и экономическим ростом после 1970 г., повернула вспять, уступив место тенденции к концентрации капитала. Согласно приводимым Пикетти данным, степень концентрации капитала в XXI в. вплотную приблизилась к уровням, характерным для периода, предшествовавшего Первой мировой войне.

Стоит отметить, что описываемый Пикетти перелом в структуре доходов в пользу прибылей от инвестирования капитала, базируется на его наблюдениях за развитием экономик со старейшими либеральными традициями – США и Великобритании. При этом для современной России характерен еще больший уровень экономического расслоения (согласно отчету банка Credit Suisse, 35% капитала в России принадлежат 0,00008% населения) [Credit... 2013], хотя процесс концентрации капитала у нас проходил в несравнимо более сжатые сроки, чем в экономиках, придерживавшихся либерального образца на протяжении XX в. Развитие постсоветской российской власти наглядно подтверждает тезис Пикетти о неизбежности олигархата и влиянии капитала на власть при высокой степени его концентрации.

При рассмотрении российских реалий востребованность государственного вмешательства в экономику довольно очевидна, и оно должно заключаться в постоянной и гибкой работе, направленной на сохранение баланса между развитием, а следовательно, и стимулирующими мерами, и стабильностью, то есть компенсирующими мерами

Уровень доверия к государственным институтам (в %)

Доверяю:	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Совершенно не доверяю	Затрудняюсь ответить
Органам государственной власти (правительству, Государственной думе)	4,7	33,9	33,9	13,7	13,8
Органам региональной власти	4,2	32,1	34,2	14,1	15,4
Органам муниципальной власти	4,7	32,3	33,1	14,9	15,0

Таблица 4

Сферы, в которые наиболее желательно вмешательство (помощь) государства (в %)

Сферы вмешательства государства	Упомянуто в числе важнейших (респонденты могли дать два варианта ответа)
Трудоустройство	16,9
Обеспечение справедливой оплаты труда	26,9
Возможность получения необходимого образования и квалификации	5,6
Решение проблем здравоохранения	18,1
Обеспечение жильем	12,7
Материальная поддержка	25,8
Поддержка государства не нужна, со всем справляемся самостоятельно	21,3

социальной политики государства. Следствием того, что такая работа малоэффективна, стало не только усиление неравенства, но и низкий уровень доверия к государственным институтам населения. Вот свежие данные⁵ (см. табл. 3).

Таким образом, сформировалась и закрепилась коллизия между запросом на усиление роли государства и качеством его вмешательства в дела экономики и общества. Мнение населения о сферах желательного вмешательства государства представлены в таблице 4. Стоит обратить внимание на то, что доля населения, которая справляется с проблемами, не апеллируя к государству, составляет лишь пятую часть.

Общество же в своем большинстве не обрело самостоятельности и оценивает свое положение с позиций эгалитаризма, воспринимая результат действия существующей модели развития как создание новой системы несправедливых неравенств. Но в рамках концепций распространенного на Западе утилитаризма, идейно оформляющего социально-экономические практики, имманентные рыночным отношениям, часть общества сформировала и другое понимание справедливости, основанное на “правильном балансе” индивидуальных ресурсов и извлекаемых с их помощью выгод. Эти концепции были включены в развившуюся к середине XX в. теорию рационального выбора, предполагающую, что индивид способен рационально оценить имеющиеся в его распоряжении ресурсы и максимизировать их полезность [Boudon 1992]. Согласно такому представлению считается справедливым, если успеха добиваются те, кто имеют индивидуальные конкурентные преимущества, создание которых потребовало личных усилий. Как эту проблему рассматривают россияне, видно из таблицы 5.

Обнадешивает то, что значительная часть опрошенных назвали в качестве факторов успеха образование и профессию, но каждый из факторов не собрал и половину ответивших. Сложившийся в России тип вертикальной мобильности не носит “клас-

⁵ Здесь и далее – данные социологического опроса, проведенного в 2014 г. в рамках исследовательской программы Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ. Методом личного анкетирования опрошены жители шести регионов страны. Объем выборки – 10 600 респондентов.

**Наиболее важные факторы для того, чтобы добиться благополучия
в современной России (в %)**

Факторы	Упомянуто в числе важнейших (респонденты могли дать три варианта ответа)
Происхождение из богатой семьи	25,7
Происхождение из образованной семьи	15,4
Проживание в столице или другом мегаполисе	26,0
Востребованная профессия	41,3
Высокий уровень собственного образования и квалификации	32,6
Хорошее здоровье	28,0
Наличие нужных знакомств и связей	27,9
Определенная национальность	2,6
Определенный пол	2,0
Определенный возраст	7,3
Вероисповедание	0,8
Личные качества	18,9
Упорный труд	18,2
Врожденные таланты	3,6
Везение	5,6

сически” рыночного характера, когда денежный доход оказывается прямым следствием позиции работника на статусной лестнице, достигнутой вследствие определенного уровня образования и квалификации. В общественном мнении сформировалось вполне четкое понимание законов вертикальной мобильности российского общества: путь “наверх” невозможен без нужных связей и денег (при этом деньги часто производны от связей). В принципе анализ сопоставления уровня развития индивидуальных ресурсов и возможностей их реализации приводит к выводу, что сложившиеся социально-экономические условия не отвечают ни эгалитаристскому, ни утилитаристскому пониманию справедливости.

Каналы продвижения и консолидации индивидуальных интересов

Не касаясь проблем качества политической системы, создающей (или не создающей) условия для интеграции индивидуальных интересов, остановлюсь на возможностях, которыми достаточно свободно может пользоваться население. М. Дерябина в статье о горизонтальных связях и сетевой координации в современной экономике уже коснулась вопросов формирования новой институциональной среды в постиндустриальной экономике, базирующейся на прямых кооперационных связях. Речь шла и о социальных сетях, обеспечивающих формирование общих, понятных целей, а также об общих, понятных средствах их реализации [Дерябина 2014]. Современное информационное он-лайн пространство и социальные сети хорошо освоены индивидами, компаниями и другими институтами. Данная практика успешно широко распространяется в среде, не отрезанной от современных информационных технологий.

За время существования компьютерных сетей сформировались различные типы сообществ, наблюдение за которыми позволяет увидеть попытки осознания если не общественного, то группового интереса. Просматриваются и достаточно организованные попытки его формулировать, исходящие не от устоявшихся общественных институтов, но от сообществ, чьи участники официально никак не вовлечены в процесс формулирования представлений об общественном благе. Тем не менее в случаях, когда сетевая дискуссия ведется не на эмоциональном уровне, будучи вызванной актуальным в конкретный момент информационным поводом, но происходит в профильном сообществе, участники которого заинтересованы затронутой проблемой и тема обсуждается достаточно долго, высказываются мнения и делаются выводы, часто немногим

отличающиеся от уровня экспертного мнения по данному вопросу. Такие образования были описаны Венгером как *community of practice* – профессиональные или деятельные сообщества, участники которых постоянно ведут обмен профессиональной информацией [Lave, Wenger 1991]. (Первоначально термин был применен к ситуативному обучению, а впоследствии расширен и на другие контексты [Wenger 1998].)

Интересен тот факт, что подобные “экспертные” обсуждения могут существенно опережать новые тенденции, формулируемые через СМИ, либо в соответствующих представительских институтах общества, просто за счет искреннего интереса к проблеме, свободного от необходимости учитывать ограничения официальных контекстов. Среди подобных ограничений Л. Лессиг в книге “Свободная культура” [Лессиг 2007] справедливо называет угрозы интересам социальных групп, успевшим выработать действенные механизмы защиты своих интересов, так или иначе уже представленных в системе формирования общественных интересов. Лессиг же предупреждает, что в случае с объединениями единомышленников с помощью сетевых коммуникаций результат может в той или иной мере превзойти результаты, получаемые существующими формальными общественными институтами в этой же отрасли, что может вызвать у их представителей желание противодействовать новым конкурентам.

В качестве примера можно вспомнить историю российского законопроекта о волонтерской деятельности. Инициатива создания закона была озвучена уже после того, как начали эффективно работать несколько волонтерских организаций, созданных во многом благодаря современным возможностям удаленных коммуникаций. *De facto* работа волонтерских организаций в некоторых отраслях представляла собой замещение части функций, которые берет на себя государство: волонтеры эффективно собирали и доставляли гуманитарную помощь в районы природных бедствий, конкурируя с МЧС, организовывали кампании по поиску пропавших людей, конкурируя с профильными спецслужбами, организовывали сборы средств и поиск подходящего лечения для тяжелобольных, выполняя функцию органов системы здравоохранения. Несмотря на очевидное полное соответствие данной деятельности не индивидуальным, но общественным интересам со стороны государства последовал законопроект, закреплявший право на организацию волонтерской деятельности за государством и переводящий на полуполегалный режим существующие организации, работающие со спонсорами.

Эта реакция вполне соответствует формулировке Рубинштейна [Рубинштейн 2012], согласно которой политическая ветвь формирования общественных интересов актуализирует лишь такие интересы, которые готова признать совокупность действующих институтов и индивидуумов, обладающих властными полномочиями. Однако изучение материалов, предоставляемых деятельными сетевыми сообществами, позволяет снизить влияние фактора неопределенности, который, по Рубинштейну, не позволяет нормативным интересам общества стать видимыми иначе, чем в проекции, детерминированной действующими институтами и политической системой.

Так есть ли запрос?

Исходя из ответов на поставленные в начале статьи вопросы можно заключить, что российское общество в своем большинстве пока не готово принять либеральную составляющую социального либерализма. Вместе с тем мне не кажется ни правильным, ни перспективным на этом основании отказываться от попыток ориентации на него при формировании социально-экономического и политического контекста. И прежде всего потому, что в обществе, как я пыталась показать, присутствует существенная доля населения, уже ориентирующаяся на данные ценности в своем поведении, и это наиболее образованная и активная часть общества. Без учета ее интересов общественное устройство в целом будет терять потенциал развития, что негативно скажется и на положении той группы населения, которая пока не готова принять либеральную модель.

Тот факт, что к тем, кто совмещают относительно высокий образовательно-профессиональный уровень, соответствующий уровень дохода и самоидентификации,

относятся лишь около 20% населения, свидетельствует, что институциональный контекст социально-экономического поведения нуждается в корректировке. Она должна быть направлена на преодоление противоречия между профессионально-квалификационным и образовательным уровнем людей, с одной стороны, и их местом в системе общественного воспроизводства и размерами дохода и собственности, а также социальным престижем – с другой. Представляется, что лишь после преодоления этих противоречий, будут созданы предпосылки для расширения массового запроса на социально-либеральную модель развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврамова Е.М. (2013^a) Новые образовательные стратегии: цели и средства // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 65–75.
- Аврамова Е.М. (2001) Ожидания населения в меняющемся институциональном мире // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 22–29.
- Аврамова Е.М. (2013^b) Рост материальной обеспеченности населения: благодаря чему и с какими последствиями // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 5–15.
- Аврамова Е.М., Малева Т.М. (2014) О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход? // *Вопросы экономики*. № 7. С. 144–160.
- Дерябина М.А. (2014) Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 65–76.
- Лессиг Л. (2007) *Свободная культура*. М.: Прагматика Культуры.
- Модернизация России: социально гуманитарные измерения (2011). Под ред. Н.Я. Петракова. М.–СПб.: Нестор-История.
- Нефедова Т.Г. (2009) Поляризация пространства России: ареалы роста и “черные дыры” // *Экономическая наука современной России*. № 1. С. 28–62.
- Плискевич Н.М. (2012) *Человеческий капитал в трансформирующейся России*. М.: Институт экономики РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2012) Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 13–34.
- Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе (1998). Под ред. А.И. Колганова. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.
- Токсанбаева М.С. (2013) Структура российской занятости: проблемы, оценки // *Человек и труд*. № 1. С. 10–14.
- Boudon R. (1992). *Subjective Rationality and Social Behavior*. Edward Elgar Press.
- Credit Suisse Global Weather Report. 2013.
- Lave J., Wenger E. (1991) *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-first Century*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Wenger E. (1998) *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.

Is there any request for social liberalism in the modern Russian society?

E. AVRAAMOVA*

* **Avraamova Elena** – doctor economics, head of department, Institute of Social Analysis and Forecasting of the Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Address: 11, Prechistenskaya nab., Moscow, 119034, Russian Federation. E-mail: Avraamova@igrm.info.

Abstract

Social liberalism is regarded as a balance of development and stability which is possible to achieve when there is high quality of institutional environment and the public willingness to make efforts to increase individual competitiveness. The following issues are considered: whether the efforts directed at the increase of individual competitiveness are performed at the individual level or in large numbers; whether the channels of implementation of individual human capital formed as the result of increase of individual competitiveness are operating in social-economic system; whether the significant part of society shares the idea of social justice as the reward for efforts directed at rise of individual competitiveness; whether there are channels of promotion and consolidation of individual interests. The study showed that most Russians are not ready to accept the idea of social liberalism. At the same time share the liberal values to 20% of the population. And socioeconomic policy should not neglect its interests.

Keywords: social liberalism, models of socio-economic development, individual and public interests, education, social communication, labour market, social justice.

REFERENCES

- Avraamova E.M. (2013) Novye obrazovatel'nye strategii: celi i sredstva [New Educational Strategy: Ends and Means]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 65–75.
- Avraamova E.M. (2001) Ozhidaniya naseleniya v menyayushemysya institucional'nom mire [Expectations of the Population in the Changing Institutional World]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 22–29.
- Avraamova E.M. (2013) Rost material'noj obespechennosti naseleniya: blagodarya chemu i s kakimi posledstviyami [Growth of Material Security of the Population: Thanks to What and with What Consequences]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 5–15.
- Avraamova E.M., Maleva T.M. (2014) O prichinah vosproizvodstva social'no-ekonomicheskogo neravenstva: chto pokazyvaet resursnoi podhod? [About the Reasons of Reproduction of a Social and Economic Inequality: What Shows Resource Approach?]. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 144–160.
- Boudon R. (1992) *Subjective Rationality and Social Behavior*. New York: Edward Elgar Press.
- Credit Suisse Global Weather Report (2013).
- Derjabina M.A. (2014) Gorizonta'nyye svyazi i setevaya koordinatsiya v sovremennoy ekonomike [Horizontal Communications and Network Coordination in Modern Economy]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 65–76.
- Lave J., Wenger E. (1991) *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lessig L. (2007) *Svobodnaya kul'tura* [Free Culture]. Moscow: Pragmatika Kultury.
- Modernizatsiya Rossii: social'no-gumanitarnyye izmereniya* [Modernization of Russia: Socially Humanitarian Measurements] (2011). Moscow, Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Nefedova T.G. (2009) Poljarizatsiya prostranstva Rossii: arealy rosta i "chernyye dyry" [Polarization of Space of Russia: Areas of Growth and "Black Holes"]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, no. 1, pp. 28–62.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-first Century*. Cambridge (Mass): Harvard University Press.
- Pliskevich N.M. (2012) *Chelovecheskiy kapital v transformiruyushheysya Rossii* [Human Capital in Transforming Russia]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Rubinshteyn A.Ya. (2012) Social'nyi liberalizm: k voprosu ekonomicheskoy metodologii [Social Liberalism: to a Question of Economic Methodology]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 13–34.
- Socium XXI veka: rynek, firma, chelovek v informatsionnom obshhestve* [Society of the XXI Century: the Market, Firm, the Person in Information Society] (1998). M.: Ekonomicheskii fakul'tet MGU, TEIS.
- Toksanbaeva M.S. (2013) Struktura rossiiskoy zanyatosti: problemy, ocenki [Structure of the Russian Employment: Problems, Estimates]. *Chelovek i trud*, no. 1, pp. 10–14.
- Wenger E. (1998) *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.